

Readings about new Russian identity. T.2. Russia as a subject]. – М.: Argus, 1995. – 318 s.

12. *Shevtsova L.F.* Odinskaya derzhava: pochemu Rossiya ne stala Zapadom i pochemu Rossii trudno s Zapadom. [A lonely power: why Russia did not become the West and why Russia is difficult with the West.]. – М.: Mosk. Carnegie Center, 2010. – 268 s.

13. *Shevchenko V.N.* Vneshniy faktor i razvitiye rossiyskogo obshchestva // Dinamika vzaimodeystviya vneshnikh i vnutrennikh faktorov i vektor razvitiya rossiyskogo obshchestva. [External factor and the development of Russian society // Dynamics of interaction of external and internal factors and the vector of development of Russian society]. – М.: IF RAN, 2013. – 233 s.

14. *Shevchenko V.N.* Rossiya v poiskakh natsional'nogo puti razvitiya // Rossiya kak gosudarstvo-tsivilizatsiya: filosofsko-politicheskiy analiz. [Russia in search of a national path of development // Russia as a state-civilization: philosophical and political analysis]. – М.: IF RAN, 2016. – 122 s.

Статья поступила в редакцию – 08.06.2019 г.

UDC 172.15

DOI: 10.21146/1606-6251-2019-3/4-51-61

Г.В. ДРАЧ

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ: КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация:** В статье рассматриваются определяющие факторы культурного и цивилизационного развития России. Развитие западной техногенной цивилизации с её ценностями агональной личности и рационализма рассматривается как внешний фактор воздействия и в то же время неоднократно востребованная модель технологического обновления. Либеральные ценности и государственный патернализм оцениваются как внутренние, противоречивые, факторы, определяющие вектор дальнейшего развития России. Радикализм в провозглашении и осуществлении либеральных ценностей неоднократно провоцировал в истории России авторитаризм и автократию. В то же время в современной России наблюдается развитие агональности и личностной самостоятельности. Автор предлагает рассмот-*

Драч Геннадий Владимирович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель. Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета. Российская Федерация, 344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепропровский, 116; e-mail: gendrach@mail.ru.

рение государственного пространства как осуществляющегося противоречия агонального и пассионарного начал. Границы этого пространства очерчиваются демократическими принципами народовластия и верховенства закона.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, Запад, Россия, агональность, рациональность, наука, государство, патернализм, пассионарность, либерализм, демократия.*

Прогнозы и перспективы современной России традиционно рассматриваются в контексте культурных взаимодействий «Россия – Запад», «Россия – Восток», которые сегодня детализируются и конкретизируются. Тем не менее вопрос о месте России в мировом цивилизационном развитии и её культурной специфике возвращает нас к старой философско-исторической схеме «Запад – Восток» или «Восток – Запад». «Как бы при этом ни понимались исходные понятия-элементы этой классической схемы, Россию считают: либо принадлежащей к Западу или Востоку, либо имеющей собственную специфику, а потому и не совпадающей ни с первым, ни со вторым.

В этом случае, правда, возможно несколько самостоятельных позиций. Например, можно считать, что Россия как бы колеблется между Западом и Востоком (точка зрения Г.В. Плеханова). Можно, подобно Н.А. Бердяеву, объявить её великим Востоко-Западом или Западо-Востоком. Можно даже, как это сделал молодой В.С. Соловьев, предсказать ей великую роль объединения Запада и Востока на основе истинного христианства. Но можно рассмотреть её и как такую «третью силу» (термин В.С. Соловьева), которая прямо не зависит ни от Востока, ни от Запада, но образует особый мир, вполне сопоставимый с первыми двумя, но своеобразный и неповторимый (позиция «евразийцев») [5, 65-66].

Другое дело, что эта философско-историческая схема возвращает нас к XIX веку с его идеей прогресса, поступательного развития и исторической субординации народов и культур, возглавляющих и замыкающих завораживающее шествие мирового цивилизованного человечества. В этом случае мы остаёмся в пределах концепции линейного времени и панлогизма Гегеля, хотя цитируемый

автор справедливо акцентирует внимание на том обстоятельстве, что Гегель в одном понятии «Запад» объединяет разные типы культур — языческую Античность и христианскую Европу. Объединяет их поступательное развитие духа, в котором отдельные культуры рассматривались как его конкретно-исторические ступени. Современные исследователи связывают интеллектуальное величие Запада с рождением экспериментальной науки, и в наше время проблемой оказывается различие не языческой и христианской ступеней европейского развития, а европейской техногенной цивилизации и всего остального мира.

Многое поясняет обращение к современному термину «глобализация», который как раз и позволяет объяснить втягивание стран и прежде изолированных цивилизаций в мировое техногенное развитие. Эффект глобализации становится очевиден на фоне всё ещё сохраняющегося культурного и цивилизационного многообразия. «Глобализация, предоставляя новые возможности по обмену и интеграции в области экономических, финансовых и информационно-технических ресурсов, в то же время представляет собой вызов в плане сохранения интеллектуального и культурного многообразия человечества и государственной самостоятельности стран и народов, цивилизаций» [4, 28-29]. Глобализация может рассматриваться не как особая закономерность, а как эффект, достигнутый в результате исторического столкновения техногенной цивилизации Запада и мировых традиционных культур.

Понятие «цивилизация» выводит за рамки гегелевского панлогизма и оказывается ключевым для прогнозирования будущего России. Цивилизация — многозначное понятие. С одной стороны, это понятие позволяет инкорпорировать развитие России в мировой цивилизационный контекст. С другой, цивилизация характеризует культурные особенности и своеобразие, которые выступают фундаментом локальной цивилизации. Возможные корреляции: возникновение и развитие цивилизации; культура и цивилизация; цивилизационное многообразие. Если цивилизацию характеризуют внешние взаимодействия, открывается пространство для экстерналистских исследований. Но мощно заявили о себе и теории интерналистского характера с обращением к вопросам о

своеобразии, национальном характере, культурных архетипах и т.д. Другое дело, что ни одна страна, тем более такая крупная, как Россия, не поддаётся рассмотрению только в одном из этих аспектов.

Цивилизация оказывается объединяющим пространством культурных взаимодействий – внутренних и внешних. Возникает вопрос об автономности производства культурных смыслов – «степень автономности поля производства культуры» у Бурдьё [2]. Однако, что рассматривать в качестве внешнего (гетерономного) принципа формирования смыслового пространства и каково его соотношение с внутренним (автономным)? Оставаясь в пределах культурсоциологии, обратим внимание на идею «травмирующего события» (внешний фактор) и формирование культурных регулятивов – представлений о добре и зле (внутренний фактор) [1]. Поле воспроизводства культурных смыслов захватывает цивилизационное развитие как в его внутренних (локальных), так и во внешних (глобальных) измерениях.

В этом смысле европейская наука и техногенная цивилизация в мировом цивилизационном контексте – явления уникальные. В своё время Л.М. Косарева с сочувствием ссылалась на Э. Цильзеля, подчёркивающего: «Мы слишком склонны рассматривать себя и свою цивилизацию как естественную вершину человеческого развития» [6, 21]. Но ведь интеллектуальное и в целом цивилизационное развитие шло в качественно различных направлениях. Не учитывать этого – значило бы скатываться на позиции европоцентризма. Л.М. Косарева далее цитировала Нидама: «Но это далеко не вся история, и упоминать только об этой части было бы глубоко несправедливо по отношению к другим цивилизациям... Традиционная история науки естественна ещё и потому, что очень уж много блестящих мыслителей долгое время придерживались умонастроений европоцентризма и гипнотизировали других, заставляя принять его» [6, 21].

Китай, например, располагал своей уникальной системой знаний. Культурный переворот и развитие агонального начала в античной Греции и интеллектуальная революция XVII века в Европе прокладывали путь техногенной цивилизации. Европейских интеллектуалов объединяло стремление к практическому применению

знаний о мире. Мало знать своё (христианское) прошлое, надо проектировать будущее. Не вычитывать его в священном писании, а создавая грандиозный проект, как это делали, например, Т. Кампанелла и Ф. Бэкон. Происходит открытие нового, неизведанного ранее мира науки, поставившего природу на службу человеку. И, наконец, социальное устройство, организованное не по природе и не от Бога, а на основании человеческого разума.

Всего этого не знал остальной, не западный, мир. Технологические и идущие вслед за ними экономические и политические преимущества Запада обеспечили ему глобальные преимущества. Такого рода вопросы очерчивают текстуальность рассмотрения проблем будущего России. «В поисках ответов мысль невольно обращается к прошлому, к историко-культурным корням...» [9, 3]. Много даёт, в частности, осмысление модернизационного опыта XVIII века, и как раз в этом наблюдаются глубокие разногласия, что, несомненно, весьма симптоматично. Ю.Н. Солонин считал, что, рассуждая о российской будущности, мы неизбежно переходим к проблемам отношений государства и общества. «Эти вопросы тем более важны, что патернализм государства стал основой национального политического мышления и нашей политической культуры» [9, 6]. Автор признаёт двойственность положения: если государство отвечает за всё и от него ждут спасительных инициатив, стимулируется пассивность общества; в то же время вполне очевидна роль государства в развитии гражданских инициатив, что и позволяет формировать гражданское общество.

Характер обозначившейся дилеммы во многом определяется тем, что установка на патернализм государства сегодня не может рассматриваться доминирующей. По мнению социологов В.В. Локосова и В.Л. Шульца, «...в массовом сознании, в первую очередь среди молодёжи, преобладают установки на социальную активность, личный успех и локальную консолидацию, готовность защищать свои интересы, рассчитывая, прежде всего, не на государственную поддержку, а на свои силы» [8, 33]. Не абсолютизируя такого рода социологические выводы — никто из рассчитывающих на собственные силы не откажется от поддержки государства — отметим данную тенденцию. Она может быть лучше понята в ди-

лемме, рассмотренной Д. Лескиным: «соборность, всеединство, цельное знание» VS «примат частного над общим, утверждение первичности индивидуального начала» [7, 35]. Сам автор подчёркивает, что речь идёт о разных типах культурной действительности, сомневаясь в культурной нейтральности Запада: «...всё более законным становится культурологическое подозрение о ценностной не ангажированности таких ключевых систем, как политическая демократия, либеральные ценности, научная рациональность...» [7, 36-37]. С этим же связан ряд его прогнозов и предостережений: «Нивелирование традиционных ценностей, потеря внутренней самодостаточности, утрата национальной идеи и попытка жить по несвойственным цивилизации, которая ещё не до конца растратила свою пассионарность, эталонам способны привести нацию к атрофии общественной воли, неспособности мобилизоваться даже перед лицом опасности ... » [7, 39].

Итак, насколько применимы культурные ценности Запада к современной России – вопрос сложный, порой драматический, связанный с историей и совершенствованием агональной личности? Здесь было бы небезынтесным обращение к Шпенглеру, которое и совершает Н.А. Хренов, характеризуя феномен «городской революции» как начало упадка культуры и переход её в стадию цивилизации [10]. И хотя Шпенглер уже подчёркивал различие города и деревни в античности, теперь ситуация складывается принципиально иная. Сменяя «прасословия» (знать и духовенство), «...вместе с большим городом предводительство принимает на себя несословие, буржуазия». Соответственно, «существует лишь одна партия, партия буржуазии – либеральная... она приравнивает себя к “народу”» [12, 476-477].

Отметим также предсказываемый Шпенглером закат демократии. «С помощью денег демократия уничтожает саму себя... Цезаризм растёт на почве демократии, однако его корни глубоко погружаются в основания крови и традиции» [12, 494-495]. Понимание оппозиции, достаточно условное, двух «прасословий» – «партии жизни» и «партии ценностей», опрокинутое на русскую историю, и Н.А. Хренов это блестяще показал, вносит смысл в события, начавшиеся в веке двадцатом и не закончившиеся и сегодня

ня. В частности, вызывают интерес его размышления о провоцирующей роли русского либерализма в совершившемся наступлении цезарианства (сталинизма) [10].

Однако исходной, продуцирующей мыслью о многообразии культур и о цивилизации как о смерти культуры выступает у Шпенглера оппозиция аполлоновского и фаустовского человека [11]. Шпенглер подвергает сомнению, казалось бы, самую простую и убедительную мысль – об историческом единстве античности и Европы. «Современный западный человек замкнут в своем одиночестве и находится в скорлупе собственного цивилизационного пространства и окаменелости духа» [3, 14]. И всё-таки отрицать преемственность в историческом развитии Европы сегодня никому не приходит в голову. Наследуется, прежде всего, агональная парадигма европейской культуры с характерными для неё моделями рационализма, индивидуализма и прагматизма. Конечно, античное стремление к славе и современное к потреблению – вещи разные. Но Древняя Греция провозгласила верховенство закона, прав человека и самоценность личности. Греческий проект онтологии лёг в основание западной цивилизации, с чем была связана возможность постоянного теоретического и социального самообновления, кумулятивный эффект которого вылился в современные технические достижения и создание массового общества.

Однако ряд стран современного мира, в т.ч. Китай, Индия, Япония и др., преодолели научную и технологическую отсталость. Восточные страны «усвоили» научный опыт, в т.ч. «трансплантацию» науки в инокультурную среду. И там, где традиционная культура показала свою жизнеспособность, наука была адаптирована и вошла в национальную систему образования и производства. Совершенно иначе происходило в России, где осуществлялись самые радикальные сценарии модернизации даже не путём трансплантации европейской науки и образования (хотя и это происходило), а путём разрушения традиционной культуры «до основанья, а затем...». Этот сценарий стал повторяться, как дурной сон, на всём протяжении XX века («травмирующее событие»). И либеральные реформы сыграли свою провоцирующую роль. Но вернуться к прошлому невозможно, да и не об этом идёт речь. Такая мощная ос-

нова, как конфуцианство, подчиняющее себе все другие идейные течения и выступающее нормой социального и личного поведения, в России отсутствует.

Впрочем, нельзя и преуменьшать роль православия и православной культуры как такого основания. Другое дело, что в большевистской модернизации России содержалась просвещенческая модель: индустриализация, коллективизация и культурная революция. Более того, данная модель, с её ориентацией на всеобщее образование (школы, в т.ч. вечерние школы молодёжи) и культуру (клубы и избы-читальни на селе), пиитетом к науке, находилась в основании модернизации. Обязательной частью её была радикальная марксистская идеология с её силовым дополнением. Но таков был путь России в Европу. Советская Россия позиционировала себя как осуществлённый европейский, самый совершенный, проект. Он оказался утопическим: воспроизводить такую толщу народа с его традициями (далеко не всегда православными, а скорее с духом вольницы и правового нигилизма), оказалось делом невозможным, хотя попытки внедрения агонистики и формирования рациональной личности были.

Вернёмся к теме соотношения коллективного и индивидуального, агонального и пассионарного. Прежде всего, несколько слов о роли государства. Целью агональных устремлений всегда оставалось государство как универсальный инструмент, с помощью которого можно было подчинять себе других. Агональность и государственные интересы вполне совместимы, по крайней мере, пока они соответствуют интересам агональной личности.

Россия не исчерпала возможностей просвещенческой модели с установками на разум, свободу, образование и агональные типы поведения, что и питает либеральные устремления. Носители пассионарности индуцируют новые результаты и открытия на пути сохранения государства. Пассионарная энергия кумулируется и выплескивается наружу. Пассионарный подъем в лице Александра Македонского был чреват синдромом незавершённости, неудержимого распространения греческой культуры. Это мы наблюдаем и в современном европейском мире. Но пассионарный подъём наблюдается и в нынешней России. Однако в прямом столкнове-

нии либерального и государственного начал рождение новых, объединяющих смыслов маловероятно. Принципиальное положение состоит в том, что в этом случае должно быть преодолено внешнее воздействие. Соотношение же агонального и пассионарного может рассматриваться как внутреннее смысловое пространство, если границы этого пространства очерчиваются демократическими принципами народовластия и верховенства закона.

Демократия, конечно, уязвима для критики. У Шпенглера она характеризует переход к цезаризму и делает явной абстрактную, отвлечённую прежде от ценностей почвы, власть денег. Однако, как показывает опыт греков, агональность и демократия совместимы. Агональная личность – это некоторое противоречивое соединение, это медаль, на одной стороне которой написано «подавляй всех, достигай успеха», а на другой – «ничего сверх меры». Агональная личность остаётся в центре социальных событий на всем протяжении истории, а агональность в условиях демократии и верховенства закона делает возможным перетекание пассионарной энергии в социальную активность. Агональная личность, выращенная в этом культурном пространстве, становится пассионарной только в том случае, когда она выражает коллективный интерес и выступает защитником коллективного достоинства и общественных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Д.* Смыслы социальной жизни: культуросоциология. – М.: Праксис, 2013. – 639 с.
2. *Бурдьё П.* Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. – СПб.: Алетейя, 2014. – 372 с.
3. *Драч Г.В.* Сопряжение философии и культуры в эпоху демократии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. – Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 2007. – С. 13–18.
4. *Драч Г.В., Малишевская Н.А.* Культура в контексте цивилизационного развития: эффект глобализации // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 4. – С. 26–35.
5. *Ерыгин А.Н.* Миграционная модель и цивилизационные парадигмы в орбите русского самосознания. – Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ, 2014. – 136 с.
6. *Косарева Л.М.* Предмет науки. – М.: Наука, 1977. – 157 с.
7. *Лескин Д.* Жива ли русская идея? Памяти А.С. Панарина // Будущее России: стратегии философского осмысления. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. – С. 35–52.
8. *Локосов В.В., Шульц В.Л.* Основания консолидации современного российского общества: риски и возможности // Будущее России: стратегии философского осмысления. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. – С. 20–34.

9. Солонин Ю.Н. Наш национальный вопрос: будущее России // Будущее России: стратегии философского осмысления. — СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. — С. 3-7.

10. Хренов Н.А. Россия в эпоху перемен: О. Шпенглер о перспективах развития русской культуры. — URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/HrenovNA_sec2_rus_040519.pdf (дата обращения — 11.05.2019).

11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. — М.: Мысль, 1993. — 667 с.

12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 607 с.

Gennady V. Drach

CIVILIZATIONAL FUTURE OF RUSSIA: THE CONTEXTUAL PROBLEMS

Southern Federal University, 116 Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344065, Russian Federation; e-mail: gendrach@mail.ru.

***Annotation:** The article deals with the determining factors of cultural and civilizational development of Russia. The development of Western technogenic civilization, with its values of agonal personality and rationalism is considered as an external factor of influence and at the same time repeatedly demanded model of technological renewal. Liberal values and state paternalism are evaluated as internal, contradictory factors that determine the vector of further development of Russia. Radicalism in the proclamation and implementation of liberal values has repeatedly provoked authoritarianism and autocracy in the history of Russia. At the same time, modern Russia shows the development of the agonistics and personal independence. The author proposes consideration of public space as the embodiment of the contradiction between agonal and passionate concepts. The boundaries of this space are outlined by the democratic principles of people's power and the rule of law.*

***Key words:** culture, civilization, the West, Russia, agonistics, rationality, science, government, paternalism, passionarity, liberalism, democracy.*

REFERENCES

1. Aleksander D. Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologiya [Meanings of social life: cultural sociology]. — М.: Praxis, 2013. — 639 p.

2. Burd'yo P. Pole literary [Field of literature] // Burd'yo P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki. [Bourdieu P. Social space: fields and practices]. — Saint-Petersburg: Aleteia, 2014. — 372 p.

3. *Drach G.V.* Sopyrazhenie filosofii i kul'tury v epohu demokracji [Conjugation of philosophy and culture in the era of democracy] // *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. Specvyusk.* [News of Higher Education Establishments. North Caucasus region. Social science. Special issue]. – Rostov-on-Don: published by RGU, 2007. – Pp. 13-18.

4. *Drach G.V., Malishevskaya N.A.* Kul'tura v kontekste civilizacionnogo razvitiya: effekt globalizacii [Culture in the context of civilizational development: the effect of globalization] // *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. – 2016. – № 4. – Pp. 26-35.

5. *Erygin A.N.* Migracionnaya model' i civilizacionnye paradigmy v orbite russkogo samosoznaniya. [Migration model and civilizational paradigms in the orbit of Russian self-consciousness]. – Rostov-on-Don: published by SFU, 2014. – 136 p.

6. *Kosareva L.M.* Predmet nauki. [The subject of science]. – M.: Nauka, 1977. – 157 p.

7. *Leskin D.* Zhiva li russkaya ideya? Pamyati A.S. Panarina [Is the Russian idea alive? In memory of A. S. Panarin] // *Budushchee Rossii: strategii filosofskogo osmysleniya.* [The future of Russia: strategies of philosophical understanding]. – Saint-Petersburg: published by SPbGU, 2011. – Pp. 35-52.

8. *Lokosov V.V., Shul'c V.L.* Osnovaniya konsolidacii sovremennogo rossijskogo obshchestva: riski i vozmozhnosti [Consolidation foundations of modern Russian society: risks and opportunities] // *Budushchee Rossii: strategii filosofskogo osmysleniya.* [Future of Russia: strategies of philosophical thought]. – Saint-Petersburg: published by SPbGU, 2011. – Pp. 20-34.

9. *Solonin Yu.N.* Nash nacional'nyj vopros: budushchee Rossii [Our ethnic question: future of Russia] // *Budushchee Rossii: strategii filosofskogo osmysleniya* [Future of Russia: strategy of philosophical judgment]. – Saint-Petersburg: published by SPbGU, 2011. – Pp. 3-7.

10. *Khrenov N.A.* Rossiya v epohu peremen: O. Shpengler o perspektivah razvitiya russkoj kul'tury [Russia in the era of changes: O. Spengler about the prospects of development of the Russian culture]. – URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/HrenovNA_sec2_rus_040519.pdf (access date 11.05.2019).

11. *Shpengler O.* Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost'. [The Decline of the West. Essays on the morphology of world history. 1. Gestalt and reality]. – M.: Mysl', 1993. – 667 p.

12. *Shpengler O.* Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. [Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. 2. Perspectives of world history]. – M.: Mysl', 1998. – 607 p.

Статья поступила в редакцию – 26.09.2019 г.